

Татьяна

Перчик

Зимняя встреча

Татьяна Герцик
Зимняя встреча

«Дана Хадсон»

2012

Герцик Т.

Зимняя встреча / Т. Герцик — «Дана Хадсон», 2012

Под угрозой возбуждения уголовного дела Антон заставляет Аню переехать к нему. Она влюбляется в него, но он всячески демонстрирует ей свое пренебрежение, вынуждая замыкаться в гордом высокомерии. Казалось, у этой истории не может быть хорошего конца. Но в жизни, как известно, всё бывает.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Татьяна Герцик

Зимняя встреча

Глава первая

Холодный ветер бросал в лицо горсти колючего снега. Нежную кожу саднило от безжалостных прикосновений ледяных ос. Свет фонарей не мог пробиться сквозь пургу, и лучи призрачного голубоватого света тускло светили где-то в вышине. Аня в очередной раз подосадовала, что вздумала идти пешком в такую погоду. Сплошное испытание воли, а не обыденная прогулка после учебного дня.

К тому же и одета она в легкую синтепоновую куртку явно не по погоде. Хотя кто ж знал, что к вечеру разыграется настоящая вьюга?! Ни один из просмотренных ею утром телеканалов о грядущем катаклизме не предупреждал. Все они дружно обещали: ветер слабый, видимость на дорогах хорошая.

Попыталась вздохнуть полной грудью, и в рот тут же залетел целый рой водянистых снежинок. Она плотно сжала губы и хмуро пробормотала про себя сакраментальную фразу – вот и верь после этого синоптикам.

Выйдя на пустырь, согнулась пополам. Буран свирепствовал вовсю. Аня прикрыла глаза рукой и пообещала измученному организму, что немедленно после прибытия домой опустит его в горячую ванну с облаком чудно пахнущей розовой пены, и будет греться там до состояния вареного рака. Организм это обещание взбодрило, и он, как почувшавшая конюшню измученная лошадка, почапал веселей.

Отвернув лицо в сторону, чтобы избежать лобового бодания с мерзким ветрищем, Аня сделала резкий рывок вперед и внезапно уперлась в чью-то крепкую грудь. Сильные руки ухватили ее за локти и повернули в сторону, укрыв от свистящего ветра.

Она приоткрыла залепленные снегом глаза, несколько раз моргнула и разглядела наглую рожу высокого парня, плящущего на нее в нарочито радостном изумлении. Аня завистливо отметила, что на парне добротная дубленка и толстая вязаная шапка, следовательно, замерзнуть ему не судьба.

Попыталась освободиться, но он на ее слабые трепыхания внимания не обратил. Чуть отвернувшись, удовлетворенно сообщил шедшим следом спутникам:

– Ба, какая забавная встреча! Идешь себе, никого не трогаешь, и вдруг на твою широкую грудь кидается знойная девица! – и конфузливо посетовал: – До чего у нас дамочки нетерпеливые пошли! Сами берут парней на абордаж! И весьма решительно, доложу я вам! У меня аж ребра затрещали! – и он крепко сжал Анины локти.

Парни загоготали, а Аня сильнее толкнула болтуна в грудь. Он недовольно заворчал:

– Это еще что за фокусы? Чем ты недовольна? Это ведь не я тебе проходу не даю, а ты мне!

Аня разумно возразила, не оставляя попыток выручить собственные локти из стального капкана:

– Я тут вовсе ни при чем, это всё ветер, ну и снег в придачу. Идите своей дорогой, граждане, я и без вас замерзаю!

Парень жутко возмутился, тут же одной рукой расстегнув молнию на дубленке, а другой удерживая девушку рядом с собой:

– Еще ни одна особа женского полу не жаловалась, что мерзнет рядом со мной! – и пригнул ее вплотную, обернув широкими полами теплой дубленки.

Аня замерла. Ветер исчез, и стало замечательно хорошо. Размягчающей волной накрыло мяконькое чувство покоя, защищенности и безопасности. Ее даже затрясло от вожаденного тепла и закололо кончики замерзших пальцев. Как славно!

Она горько пожалела, что встретился ей не старинный приятель, с которым можно было бы пообниматься без последствий, а этот нагловатый тип. Но двигаться решительно не хотелось, и она замерла, впитывая животное тепло.

Парень, дыша ей в лицо запахом свежего пива, томно протянул:

– Да уж, теперь я знаю, каково это – обниматься со снегурочкой! А как, интересно, с ними любовью занимаются?

Стоящие рядом парни громко загоготали и стали строить развязные предположения, самым приличным из которых было, – отпадет то, что делает мужчину мужчиной!

Выслушав парочку подобных фразочек, Аня очнулась от охватившей ее эйфории и стала вырываться, хотя обратно на пронизывающий мороз вовсе не хотелось.

Парень недовольно пробормотал:

– Какая черная неблагодарность! Согрелась – и тут же дальше полетела, как в песенке? Не выйдет! – и еще крепче облапил ее сильными руками, напомнив ей сказки про медведей.

Поймав себя на лихорадочном припоминании народных сказок, Аня поразились кривым путям подсознания – она что, на экзамене по фольклору, что ли? К чему ей сказки? Спасаться надо!

Парень, будто прочитав ее опасения, тихонько предупредил на ушко, сверкнув карими глазами:

– Радуйся, что целоваться на морозе полная дурь, хоть и очень хочется! И не елочь! Доерзаешь!

Поняв, что он имеет в виду, Аня жарко покраснела. Вот наглец! Как будто это ее вина! Но свидетельство его возбуждения твердо упиралось ей в бедро, и она решила быть благодарной, насколько удастся.

Застывшие на пронизывающем ветру парни возмутились:

– Антон! Давай пошли! Бери деваху с собой и двинули, недалеко уже! Хватит лапать ее принародно! У тебя дома гораздо сподручнее! Мы мешать не будем, уж так и быть! Да и комфортнее там, чего уж говорить!

Аня испугалась. Ей вовсе не улыбалось оказаться дома у этого наглого типа. Надо отрываться всеми силами. Она напряглась, стараясь вырваться из плена. Парень послушно распахнул полы дубленки, выпуская ее из объятий. Почуввав свободу, она рванулась, как выпущенная на волю птичка, и побежала широкими неловкими прыжками к ближайшим домам.

К ее удивлению, парни догонять не стали, а мирно исчезли в мутном мареве позади. Возле первой высотки она притормозила, пристально оглядываясь, тяжело переводя дух и смутно подозревая, что всё не так просто.

Она оказалась права – перед ней из снежной пелены возникла высокая фигура Антона и одобрительно сказала:

– Молодец! Быстро добежала до моего дома! Я здесь и живу, на пятом этаже. Заходи, гостем будешь!

Пробурчав: «Ну уж нет, спасибо!» – Аня как можно независимее прошагала мимо, но, как и предчувствовала, просто так ей уйти не удалось. Парень в два шага догнал ее и повлек к высотке. У Ани захолоstinуло сердце. Если он затянет ее в подъезд, прощай, мамочка!

Резко развернувшись, выбросила вперед руку с тяжелой сумкой и с силой вмазала ею в грудь наглецу.

Не ожидавший от пленницы особого сопротивления, Антон покачнулся, не удержался на скольком льду, и, неуклюже взмахнув руками, вылетел с тротуара на проезжую часть.

Как в тяжелом кошмаре, из ниоткуда возникла темная громада автомобиля и глухо стукнула по незащитному телу, спешащему ей навстречу под силой центробежной тяжести. Даже не заметив столкновения, водитель промчался дальше, а отлетевший в придорожный сугроб Антон застыл без движения.

Аня застыла тоже, но от ужаса. Из темноты вынырнули спутники Антона, и с дикими воплями:

– Ты его под машину толкнула! – рванули к ней с явно недобрыми намерениями.

Оправившись от столбняка, Аня кинулась к пострадавшему, не обращая внимания на мелькавшие над головой увесистые кулаки. Опустилась на колени возле странно вывернутого тела, стянула перчатки, растерла пальцы, чтобы хоть что-нибудь почувствовать, и приложила руку к его шее. К ее облегчению, пульс прощупывался довольно мощно. Повернувшись к нервно мечущимся парням, она зло крикнула:

– Скорую вызвали, остолопы?

Спохватившиеся попрыгунчики вытащили сотовый телефон и срывающимися голосами доложили о ЧП.

Стараясь не причинить боль, Аня осторожно ощупала пострадавшего с ног до головы, пытаясь понять, нет ли переломов или вывихов и благодарно вспоминая дотошную медичку, готовившую из них лейтенантов медицинской службы. Хотя и не совсем качественная, но медсестра из нее всё-таки получилась. Во всяком случае, инъекции, даже внутривенные, она делала хорошо, чем беззастенчиво пользовались все соседи по дому.

Дойдя до левой ноги, почувствовала, как на лбу проступают капельки испарины. Нога была безусловно сломана. И перелом был тяжелым. Даже она, весьма неопытный медик, понимала, что обе берцовые кости повреждены. Провела рукой по его джинсам – они были сухими, крови не было, и она решила, что перелом закрытый, что полегче, хотя и не намного.

С трудом припоминая всё, что они проходили о травмах, снова приложила пальцы к яремной вене, проверяя, нет ли внутреннего кровотечения. Но пульс наполненности не терял, удары были четкими и ровными, хотя и замедленными.

Аня подняла голову, прикидывая, чем бы укрыть Антона, чтоб не замерз. Переносить его нельзя, возможно сильное сотрясение мозга, могут быть и травмы позвоночника. Хотя ему повезло, что свежий сугроб, в который он приземлился, значительно смягчил удар. Если бы он отлетел к полосе жесткого асфальта, последствия были бы гораздо суровее.

Посмотрев на тепло одетых парней, безапелляционно приказала:

– А ну, раздевайтесь! Укроем вашими дубленками пострадавшего!

Парни запротестовали, сразу почувствовав себя обездоленными:

– Тогда не одного в больницу везти надо будет, а троих! Мы же обморозимся!

Она скептически посмотрела на «верных» друзей.

– У вас же здесь квартира близко, добежите!

Парни уныло уточнили:

– Это не у нас квартира, а у него. И ключи, естественно, в его карманах! Или ты предлагаешь их вытащить? И сесть за кражу? Учти, он в свое отсутствие туда никому заходить не позволяет! Проверено длительным опытом!

Аня призадумалась, пытаясь совместить нормы морали с уголовным кодексом, но от чреватого неприятностями выбора ее спас надрывный вой кареты скорой помощи. Она попыталась встать, но с первой попытки ей это не удалось. Подняться она смогла только с третьего раза. Похлопав по коленям и ничего не почувствовав, поняла, что здорово поморозилась.

Врачи сноровисто уложили раненого на носилки и запихнули в салон. Один из них, взглянув на девушку, приказал:

– Давай в машину!

Она ужасно не хотела ехать с ними, считая, что ей-то гораздо безопаснее тихо добраться до дома, но парни, решив не выпускать из виду вредоносную девицу, впихнули ее в кабину следом за носилками с пострадавшим. Невзирая на протесты врачей, забрались сами и усьелись на полу рядом с кушеткой, на которую уложили Антона.

Врачи, решив, что препираться некогда, помчались в травматологию, выясняя по пути степень повреждений. Все Анины выводы подтвердились. Закрытый перелом, ушибы и, возможно, сотрясение мозга.

Прибыв в больницу, врачи отправили пострадавшего в операционную, Аню в приемный покой на осмотр, пропустив мимо ушей ее протесты. Медсестра, спокойная женщина средних лет в белоснежном халате, услышав, что она оказывала первую помощь, стоя на коленях в сугробе, уважительно произнесла:

– Что ж, есть еще у нас самоотверженная молодежь! – И, переведя взгляд на ее ноги, практично отметила: – Молодец, носишь теплые джинсы, а не финтифлюшки вроде тех, что сегодня на нашей Кате. Как она домой пойдет, не представляю!

Аня полуобморочно подумала, что за разговорами о полуодетой Кате она сама точно заболеет. Но медсестра велела ей снять джинсы, намазала побелевшие колени какой-то жирной, пахнувшей ванилью кремовой мазью, протянула зеленый халат, кивнула на жесткие больничные шлепанцы, стоявшие у входа в проемный покой, и послала посидеть минут десять в коридоре с голыми ногами, чтобы впиталась мазь.

Чувствуя, как начинает гореть кожа на коленях, Аня выползла в коридор, и обессилено опустилась на жесткий металлическую кушетку, обтянутую искусственной кожей. По обеим сторонам тут же шлепнулись два горящих жадной мщения злокозненных крокодила. Они были уже без дубленок. Слева примостился рыжий и кудлатый в выцветшей черной толстовке с лоснившимся воротом и вытянутыми локтями, справа стриженный под ноль упитанный парень в пушистом сером свитере. На обоих были мешковатые синие джинсы.

– Ну что, попалась, Анна Терентьева! Милицию звать будем?

Аня обмерла. Откуда они узнали ее имя? Тут же в голове сверкнуло – сумка! Она совсем про нее забыла! А там библиотечные учебники и конспекты! И, конечно, студенческий билет. Она сердито потребовала хрипловатым голосом:

– Сумку отдайте, гады!

Рыжий вытащил откуда-то из-под кушетки ее черную потрепанную сумку и небрежно кинул хозяйке.

– Забирай! Мы не жадные! И без того знаем о тебе всё, что нужно! В общем, давай, решай, что делать будешь, отступного нам платить, чтобы не заложили, или перед следователем отпираться, с чего ты нормального парня под машину пихнула.

Аня возмутилась:

– Никого я не пихала! Он сам виноват – приставал ко мне!

Парни с нарочитым удивлением переглянулись.

– Приставал? Первый раз слышим! Мы спокойно шли мимо, а ты ни с того, ни с сего налетела на беднягу, увидевшего тебя в первый раз в жизни! А если разобраться, то и не увидевшего в такой круговерти. Завидев идущую машину, толкнула его на дорогу. Уж не знаем, за что, мы тебя не трогали. Может, и почудилось тебе что в темноте, так в этом нашей вины нет!

Безуспешно пытаясь бороться с нарастающей паникой, Аня тихо охнула:

– Сволочи! Всё равно вам не поверят!

Парни нагло ухмыльнулись и вольготно развалились на сиденьях, вытянув ноги.

– А вот и проверим, кому поверят, а кому нет. Нас ведь трое, а ты одна. И, заметь, мы все из приличных семей. Характеристики у нас, от умиления плакать будешь, прочитавши. Героические поэмы, не характеристики! К тому же Антон вообще сын генерала. А вот ты кто?

Аня обескуражено подумала про себя: в этом табеле о рангах она вообще никто. Так, дочь библиотекарши. Папаша где-то имеется, но у него давно другая семья. Ему и рупь дочери дать не позволят, не то что поощутимее. Парни, поняв, что победа на их стороне, мило предложили:

– Давай гони тысячу баксов, и ладушки! Сделаем вид, что происшедшее – глупая случайность. Антон тоже возражать не будет, ручаемся.

Аня потрясенно воскликнула:

– Даже если у меня и были такие деньги, я бы вам из принципа ничего не дала, крокодилы наглые! Сами виноваты, и нечего на меня собственные подлости перекладывать!

Они с угрозой переглянулись.

– Вот как ты поешь! Ну, ладно! Сейчас мусора приедут, их доктор уже вызвал, и пеняй на себя!

У Ани по спине пополз нехороший холодок. Что будет с мамой?! Она и так сильно сдала после ухода отца, а тут еще такое! Спohватившись, соскочила и быстрыми шагами отправилась в приемный покой. Рыжий тоже встал было с места, собираясь отправиться следом, но бритый его остановил:

– Остынь! Куда она денется! Пусть подумает немного!

Рыжий вернулся обратно, а Аня заскочила в комнату и возбужденно попросила медсестру:

– Можно мне позвонить домой? Уже поздно, мама беспокоится, а сотового у меня нет.

Та согласно кивнула головой, и Аня набрала номер. Мама взяла трубку сразу. Аня быстро проговорила, боясь опасных вопросов:

– Мама, это я. Звоню из больницы. Сюда попал один мой знакомый, ты его не знаешь. У него перелом ноги, и он без сознания. Я с ним еще посижу, ты не беспокойся! – и быстро положила трубку.

Мрачно думая, как хорошо, что у них с матерью нет сотовых телефонов и ей не нужно объясняться, не сразу уразумела слова медсестры:

– ...Вдруг он очнется и ему что-нибудь понадобится...

– Что?

Та с неодобрением посмотрела на невнимательную пациентку, но корректно повторила:

– Я говорю, может, вы посидите сегодня у вашего знакомого? У нас сегодня дежурная санитарка на работу не вышла. Заболела. Старенькие они у нас. Пенсионеры сплошь. Кто еще за такие смешные деньги здесь работать-то будет. Он в палате интенсивной терапии. Ничего особо страшного – гипс наложили, внутренних повреждений нет. Но хорошо бы, если бы кто-нибудь был рядом, когда он в себя придет. После наркоза все-таки. Конечно, врачи рядом, но для надежности присмотр нужен.

Аня испуганно проговорила:

– Но у него здесь друзья.

Медсестра пожала полными плечами:

– Мы их сейчас по домам отправим. Какой от них прок? Шантрапа! К тому же вы знакомы с основами медицины? Во всяком случае, бригада скорой сказала, что вы всё сделали правильно.

Аня сцепила внезапно задрожавшие пальцы рук в замок и осторожно спросила:

– А как же милиция? Разве они не приедут?

Медсестра махнула рукой.

– Да о чем говорить, если сам пострадавший без сознания? Вот придет в себя, тогда и будут снимать показания. А сейчас какой резон? Ну, посидите? Вам, кстати, и самой надо подлечиться. – И искушающе добавила: – Вот мазь впитается, и антисептиком побрызгаем.

Аня облегченно вздохнула. Ладно, сегодня хоть милиции не будет, и ей не придется краснеть, пытаясь опровергнуть поклев подлых крокодилов. Обрадовавшись передышке, почти радостно кивнула головой.

Медсестра позвала моющую в коридоре пол санитарку, и попросила проводить девушку в палату к больному. Почувствовав себя важной персоной, бабулька отставила швабру и повелительно взмахнула рукой, засеменя к лестнице на второй этаж. Проходя мимо стульев, где сидела мерзкая парочка, Анна убедилась, что их уже нет, лишь на сиденье одиноко валяется сумка. Подхватив ее, прошагала за деловито показывающей дорогу старушкой до палаты интенсивной терапии.

Перед палатой стоял картонный короб с синими бахилами из плотного полиэтилена. Аня посмотрела по сторонам. Сесть было негде. С трудом, балансируя на одной ноге и борясь со спадающими шлепками, натянула бахилы на ноги, неслышно охая от боли в коленях. Когда обулась, зашли внутрь. Небольшое, выкрашенное в белый цвет помещение было рассчитано на двух пациентов, но Антон лежал один. Вторая кровать была пуста, обнаженный матрас был сиротливо закинут белой простыней.

Ане стало не по себе, будто пациента унесли отсюда в морг.

Санитарка заботливо подвинула поближе к кровати старое просиженное кресло и предложила:

– Садись сюда, удобнее будет! Тебе никуда завтра не надо?

Аня со вздохом опровергла наивное предположение:

– На учебу. К восьми.

Старушка сочувственно закивала седой головой, трясая при этом морщинистыми щеками с тонкой красноватой сеточкой:

– Ох ты, господи! – взглянув на пациента, обеспокоено заметила: И дружок-то твой весь белый прямо. Но это не страшно. Пройдет. У нас врачи хорошие, вылечат. А уж как он благодарен-то тебе будет, когда поправится, вот увидишь! – с этими словами она лукаво подмигнула девушке и вышла из палаты, плотно притворив за собой дверь.

Аня брюзгливо пробормотала, двумя пальцами поднимая валявшееся на кресле полотенце и аккуратно вешая его на спинку кровати:

– Ага, до безумия благодарен будет! Принц полумный! Небось тут же на мне женится и увезет в свое царство на белом коне!

Тяжело села в тоненько заскрипевшее кресло, вытянула ноги, поудобнее устроилась и застыла, стараясь сберечь силы и одновременно пытаясь не задремать. Чтобы не уснуть, стала пристально рассматривать лежащего перед ней парня, решив быть совершенно беспристрастной.

Он был обмотан разноцветными проводами с прилепленными к телу датчиками и лежал на спине, укрытый до пояса жесткой простыней, абсолютно беззащитный и, – как приятно! – совершенно безопасный. С другой стороны кровати была пристроена его нога, утыканная металлическими штырями.

Аню охватило замешательство, и она зябко поежилась. Если бы она не сопротивлялась, ничего бы этого не было. Но тогда что бы было? О втором варианте развития событий думать вовсе не хотелось. Вполне возможно, что одна-единственная сломанная нога – самый лучший конец для этого буйного вечерочка.

Она отметила развитую мускулатуру парня, не скрываемую тонкой тканью. Его бледное лицо было вполне приятно и на крокодилю рожу вообще-то не походило. Хотя еще недавно он ей категорически не нравился. Как же повышает оценку безвредность оцениваемого!

Аня пожала плечами, не в состоянии объяснить свою прежнюю антипатию. Страхом, ежели только. А так нормальное мужское лицо. Впалые щеки. Жесткие губы. Ресницы, правда,

какие-то рыжеватые. Хорошо, что не девушка, краситься не надо. Можно сказать, что он красив настоящей мужской красотой.

Если бы они познакомились при других обстоятельствах, она оценила бы его внешность на высший балл. Но сейчас пусть довольствуется средним баллом. Очень средним. Большого не заслужил.

Прищурившись, скептически оценила возраст подопечного. На вид лет двадцать семь, не меньше.

Скривившись, заметила про себя, как ему повезло, что она не злодейка из мелодрамы, а простая студентка, достаточно добросердечная. А то прижала бы сейчас яремную вену, и кранты ему, а с ним и всем проблемам, свалившимся на нее этим вечером.

Укорив себя за зловещие замыслы, логично поправилась – на самом-то деле тогда бы и начались настоящие неприятности. Расследования, допросы и прочие радости полицейских будней. Вспомнив о предстоящем неминуемом допросе, снова пригорюнилась. Если эти типы действительно захотят повесить на нее свое вздорное обвинение, а ей показалось, что они говорили вполне серьезно, то ей на самом деле предстоит нешуточный переплет. Как же быть?

Ничего не придумав, решила дать отдых уставшим мозгам. Откинула голову на жесткую спинку кресла и прикрыла глаза. На нее тут же навалилась блаженная дремота. Она испуганно вытаращила глаза, которые немедленно своенравно закрылись. Чувствуя, что не в силах бороться с подступающим сном, успокоительно пробормотала:

– Никто и не говорил, что я должна бодрствовать! Мне же велено было просто посидеть рядом! Вот я и сижу. Никто же не скажет, что я бегаяю...

Тут она обессилено отрубилась, не обращая внимания на неудобную позу и яркий свет.

Очнувшись оттого, что кто-то настойчиво тербил ее за больное колено. Она с трудом разлепила чугунные веки, и, ничего не понимая, уставилась на руку, лежавшую у нее на колене. Рука настойчиво говорила:

– Ты кто? Ты кто?

Аня пару минут соображала, что же ей ответить настырной руке. Потом случайно подняла взгляд повыше и наткнулась на голое тело, обвешанное проводами, приподнявшееся на локте и глядящее на нее расплывчатым взглядом. Она тихонько взвизгнула, невольно рассмотрев ничем не прикрытые мужские причиндалы. Он проследил за ее взглядом, увидел собственное нагое тело и нахмурился.

– Ага, то-то я думаю, чего-то мне холодновато! Одежда тут поблизости нет?

Аня наконец очнулась и наклонилась, чтобы поднять с пола упавшую простыню. Стараясь не слишком пялиться на чуждые гениталии, укрыла его снова, как было, до пояса, и села обратно. Он недовольно заметил, поежившись:

– И это всё?

Она сурово отрезала, не желая его баловать:

– Всё!

Он озадаченно почесал в затылке.

– Ну и медсестры пошли! Злые какие-то...

Аня злорадно заметила:

– Никакая я тебе не медсестра!

Он недоуменно посмотрел на ее зеленый казенный халат.

– А кто тогда?

Ей ужасно захотелось скорчить зверскую рожу, растопырить пальцы и зловеще прокаркать: «смерть твоя!», но, благоразумно отказавшись от этого дурацкого намерения, явно вызванного недосыпом, кисло призналась:

– Я – Анна Терентьева! – И мрачно уточнила: – Та, из-за которой ты попал под машину. Хотя я считаю, что это целиком твоя вина!

Сморщившись, как печеное яблоко и соображая с большим трудом, Антон старательно потер лоб, будто это примитивное движение могло стимулировать мозговую деятельность. Раздраженно прошипел:

– Ничего не помню! Голова просто раскалывается!

Аня, вспомнив наконец о своих обязанностях, радостно вскочила, надеясь, что сейчас ее освободят от взваленных на нее крайне обременительных обязанностей:

– Я сейчас! – и понеслась к дежурному врачу.

Сероватого цвета уставшая врачиха вяло читала толстый детектив, кляня носом на каждом слове. Услышав, что больной очнулся, она уравновешенно пробормотала:

– А ничего другого я и не ждала! – но послушно двинулась вслед за девушкой взглянуть на свершившееся чудо.

Проверив зрачки пострадавшего и пощупав пульс, удивленно констатировала:

– Сделаем завтра томографию, но, похоже, сотрясения мозга нет. Везунчик! После такого удара! Видно, шапка на тебе была хорошая.

Антон непритворно возмутился:

– Как это нет сотрясения, если голова так зверски болит! Вы давайте от меня ничего не скрывайте! Если болеть, так уж на все сто!

Врачиха с осуждением взглянула на рьяного больного.

– Надо же, обычно пациенты болеть не любят. Но вы, как видно, из другой породы. Вы всё стараетесь делать на всю катушку.

Антон призадумался.

– Да нет, болеть я не люблю. Я просто хочу, чтобы голова прошла. И без последствий.

Кивнув, врачиха пообещала прислать медсестру с обезболивающим и встала с кровати, собираясь уходить.

Насупясь, Антон сердито заявил, не понимая, почему медперсонал сам не в состоянии подумать о таких простейших вещах. Можно подумать, они не обычные люди.

– Мне, вообще-то, в туалет нужно!

Аня оторопела от подобной бесцеремонности, а врач спокойно укорила больного:

– Ну, а чего ж молчите! Вам терпеть нельзя!

Парень возмутился:

– Ну, а делать что? Мне же не добежать!

Врач недоуменно пожала плечами.

– С вами же рядом сиделка сидит. Ваша, персональная. Вот и сказали бы ей.

Аня сначала побледнела, потом покраснела. Но, вспомнив, что она лейтенант медицинской службы, пусть и запаса, хмуро спросила:

– А судно где?

Врачиха махнула рукой в угол комнаты, где стояли принадлежности лежащих больных, и торопливо вышла из комнаты, намереваясь разбудить медсестру, не одной же ей, в конце-то концов, страдать!

Аня уныло взяла верхнюю утку, сняла с нее полиэтиленовую пленку и подошла к пациенту. Он замер, тупо уставясь на нее. Она остановилась около него с уткой наизготовку и бодро спросила:

– Ну как? По-большому или по-маленькому?

Он ехидно определил:

– По-мокренькому. Пожурчим слегка. А то я пива вечером несколько перепил. Тяжело-вато что-то.

Она деловито нагнулась за концом простыни, намереваясь максимально облегчить больному его страдания. Но он испуганно вцепился в ненадежное укрытие и прохрипел, слегка зарумянясь:

– Цыц! Не позволю!

Аня отдернула руку и недоуменно заметила:

– Ты же только что передо мной голый валялся! И ничего, не волновался!

Он сконфужено уточнил:

– Это я просто не в себе был! А так я очень скромный. Застенчивый даже!

Аня скептически заметила:

– Ну надо же! А я-то, глупая, не поняла!

Антон ловко выдернул из ее рук маячащий перед его носом вожаемый предмет и сурово потребовал:

– А ну, отойди и отвернись, а то сейчас лопну, а отвечать за это будешь ты!

Аня отошла подальше и стала демонстративно рассматривать устройство странного ящичка у другой кровати. Он довольно долго возился, устраиваясь поудобнее, но наконец раздалось звонкое журчание. Оно длилось, длилось и длилось. Аня начала паниковать, уверенная, что предоставленной емкости будет недостаточно. На всякий случай потянулась за следующей уткой, собираясь менять первую, но тут журчание наконец прекратилось.

По палате пронесся облегченный вздох такой силы, что Аня тихонько затряслась от смеха. Услышав стук, она повернулась и подошла к Антону. Он, сложив руки на груди, закрыл глаза и сделал вид, что спит.

Подхватив заполненное до упора судно, она вынесла его в туалет, опорожнила и поставила под мойкой, где уже стояло несколько таких же приспособлений. Вернувшись в палату, увидела там медсестру с полным шприцем. Антон с испугом глядел на жуткую иглу и морщился от предвкушаемой боли. Заспанная медсестра сердито рявкнула:

– Хватит тут интимничать! – воткнула ему иглу в вену, вприснула лекарство и быстро ушла.

Аня решила, что та торопилась досыпать. Что медсестра имела в виду под непонятным в данных обстоятельствах термином «интимничать», благоразумно выяснять не стала.

Антон хмуро посмотрел на свидетельницу его позора.

– Ты когда уходишь?

Аня пожала плечами. Зевнув, проговорила:

– Часов в шесть. Транспорт уже будет ходить.

– А куда ты собираешься в такую рань?

Она сердито посмотрела на недотепу.

– Домой, естественно. Душ приму, переоденусь, и в универ. От меня так больницей воняет, самой противно. Да и мама волнуется. Хотя как я ей буду объяснять эту жуткую историю – ума не приложу.

Он недоумевающе поднял брови.

– А у тебя-то какие проблемы? Это у меня неприятности, а ты-то тут причем? Хотя, не спорю, провести ночь без сна довольно неприятно.

Аня вскинулась.

– Да твои дружки пообещали мне кучу таких неприятностей, если я им тыщу баксов не отстегну!

Выслушав ее рассказ, Антон призадумался. Но опровергать слова подельников не стал, как она наивно надеялась. Лишь пробурчал про себя, оценивающе глядя на нее:

– А что, это мысль, причем вполне здравая! – когда Аня хотела свирепо возмутиться, прервал ее взмахом руки: – Деньги твои мне не нужны, это с их стороны просто свинство. Тем более, что вышло всё не нарочно – ни с моей, ни с твоей стороны. – Тут она хотела заметить, что в последнем сильно сомневается, но благоразумно промолчала. – А вот квалифицированный уход мне будет нужен довольно долго. Если бы я руку сломал, а то ногу. Это гораздо неприятнее. В общем, условие у меня такое...

Она почувствовала, что сейчас взорвется от нетерпения, но Антон вдруг замолчал, расслабился и ровно засопел, возмутив этим собеседницу до глубины души.

Она разозлено потрясла его за плечо – безрезультатно. Поняв, что это действие обезболивающего лекарства, пробурчала под нос о бессовестных происках судьбы и вышла в коридор. Там стояла гулкая тишина. От ее кожаных шлепанцев, укутанных в похрустывающие бахилы, за спиной оставались странные чавкающие звуки.

Озираясь по сторонам, будто бредя по каземату в надежде скрыться от охранников, Аня вошла в приемный покой и взглянула на висящие на стене часы. Пол-шестого. Впервые ее подвело чувство времени. Она принципиально не носила часов, говоря, что жить по ощущениям гораздо приятнее. Во всяком случае, она никогда никуда не опаздывала.

Вошла уже знакомая медсестра, энергично разминая затекшие члены.

– Домой?

Аня согласно кивнула. Женщина подала ей большущую анкету и ручку. Аня с отвращением посмотрела на листок, но принялась старательно заполнять бесчисленные графы. Она и не предполагала, как это проблемно – вспоминать собственные анкетные данные ранним утром после бессонной ночи.

Когда она не смогла вспомнить, сколько же ей лет и была вынуждена сосчитать их по пальцам, обескуражено вздохнула и искоса посмотрела на хозяйку кабинета. Та, не обращая на нее внимания, просматривала какие-то бумажки.

Сморщив нос и тупо глядя в анкету, Аня беспомощно признала, что вспомнить, какими в детстве болела болезнями совершенно не в состоянии, отдала наполовину заполненный листок медсестре и стала собираться.

Сняла халат, натянула джинсы, и, пообещав медсестре появиться в четыре часа для дачи показаний, вышла из здания. Волоча ставшую непомерно тяжелой сумку, добрела до остановки автобуса. На ее счастье, тот пришел быстро. Уже подходя к дому, она поняла, что метели нет и в помине – в небе светила яркая луна, блестящий снег поскрипывал под ногами, легкий морозный воздух сам лился в легкие. Сказка, а не ночь. И не верилось, что каких-то восемь часов назад бушевал буран, из-за которого вся ее жизнь перевернулась наперекосяк.

Глава вторая

Автобус слегка потряхивало на колдобинах. Дорога вилась по старым, позабытым дорожными службами улочкам, сплошь застроенными маленькими деревянными домиками.

Аня, с комфортом устроившаяся у окна на заднем сиденье, безразлично провожала взглядом занесенные снегом уютные домишки. Мысли блуждали далеко. Она с трепетом думала, как мама отнесется к ее участию в уголовном деле, причем в главной роли. Похоже, именно это ей и сулило вчерашнее приключение.

Едва она коснулась ключом замка, дверь распахнулась. Мать стояла на пороге, кутаясь в старенькой велюровый халат. У Ани защемило сердце – на мамином лице ясно читались следы бессонной ночи. Несмотря на крайнее беспокойство, Анастасия Павловна доброжелательно спросила:

– Что случилось, Анюта? Кто этот знакомый, о котором ты так беспокоишься? Что, о нем больше позаботиться некому?

Такой простой с виду вопрос поставил Аню в полнейший тупик. Что ответить, если она сама ничего не знает? Правду говорить совершенно невозможно, но и врать – последнее дело. К тому же жизненный опыт подсказывал, что вранье все равно выползет наружу, к тому же непременно боком. Неопределенно пробормотала:

– Мамуля, это долгая история, а мне надо принять душ, переодеться, сложить учебники и хотя бы чуть-чуть перекусить. Ты не волнуйся, у меня лично всё нормально. Думаю, что и у Антона всё образуется. – Она легонько чмокнула мать в щеку и завистливо посоветовала: – Ты лучше поспи, тебе до работы почти шесть часов.

Мать кивнула головой и отправилась в свою комнату, приговаривая:

– Итак, он звался Антоном...

Аня, довольная, что мать ничего больше у нее не выпытывает, кинулась в ванную.

Приняв душ, натянула чистые синие джинсы с теплой байковой рубашкой, покидала в сумку конспекты и учебники на сегодняшние занятия. Кинулась на кухню, наскоро проглотила разогретый в микроволновке приготовленный для нее матерью вчерашний ужин, состоявший из куска тушеного минтая с пюре.

Выскочила на улицу, предусмотрительно надев теплый черный пуховик. И, как тут же выяснилось, зря. На улице было всего-то минус десять, для пуховика жарковато. Утешая себя, что жар костей не ломит, и что после вчерашнего, добровольно устроенного себе морозильника, вполне можно погреть застывшие косточки, Аня в хорошем темпе добежала до здания филологического факультета классического университета.

День прошел, как в тумане. Сказывалась бессонная ночь. Хотя чувствовала она себя лучше, чем ожидала. На занятиях носом не клевала, отвечала на вопросы правильно и даже умно, вокруг глаз никаких подозрительных кругов не наблюдалось. Ресурсы молодого организма? Ничего не заподозрившие подружки тоже вели себя как обычно, избавив ее от намеков и потруниваний.

Но вот день закончился, и она снова отправилась навстречу неприятностям. Утешая себя шаблонными фразами типа «опасность надо встречать лицом к лицу», доехала до остановки «Больница» и вышла на бетонную платформу. Вокруг стояли симпатичные маленькие домики, от остановки в разные стороны лучами расходились узенькие, переметенные снегом тропки. Она попыталась припомнить, по которой шла утром. Бесполезно. От больницы шла только одна дорога, а здесь с десяток. Которая же ее?

У нее возникло нелепое желание залезть на ближайшее дерево, чтобы выяснить наконец, где же стоит здание больницы. Пока она хмуро приглядывалась к стволу ближайшего тополя, из переулка показалась парочка хихикающих девчонок. Аня бросилась к ним.

– Где здесь травматология, скажите, пожалуйста?

Ближайшая девочка с готовностью махнула рукой вдоль дороги.

– А идите до конца поселка, там сразу увидите серую пятиэтажку. – И хвастливо добавила, – у меня там мама работает!

Вторая немедленно ревниво уточнила:

– И у меня тоже! Медсестрой! А у тебя – кастеляншей!

Быстро поблагодарив заспоривших подружек, выясняющих, чья мама выше по статусу, Аня побежала в указанном направлении.

За последним домом поселка в самом деле выросло непримечательное здание травматологии. Аня невольно замедлила шаги и последние метры ползла с черепашной скоростью, уныло взглядывая на большие холодные окна, неприветливо наблюдающие за ее неторопливым шагом.

Раздевшись в гардеробе, прошла к столу с надписью «посещения больных» и неуверенно спросила, можно ли пройти к Антону. Неприветливая густонакрашенная девица в капроновом полупрозрачном халатике грубо потребовала:

– Фамилия и палата!

Аня озадачилась. Ни того, ни другого она не знала. Робко пояснила:

– Палата была интенсивной терапии, а фамилию не знаю.

Девица пренебрежительно фыркнула.

– Палат интенсивной терапии у нас больше десятка, так что без фамилии можете шуровать отсюда. Я вам не розыскное бюро.

Аня раздраженно пояснила, что Антона привезли сюда вчера вечером, он попал под машину, и сейчас она пришла, чтобы дать показания.

Санитарка повела себя очень странно. Выпрямилась во весь рост, уткнула руки в бока, окинула посетительницу надменно-презрительным взглядом и отчего-то заговорила о ней в третьем лице.

– Так это она его под машину толкнула! А еще изображает тут из себя благородную! Фу-ты, ну-ты! Видали мы тут таких барышень!

Ане показалось, что ее с ног до головы облили помоями. Она обиженно покраснела и хотела высказать нахалке всё, что та заслужила, но тут сознание донесло пренеприятную истину – крокодилы изложили-таки следователю свою версию случившегося. Сердце остановилось и упорно не хотело биться дальше.

Девица презрительно сообщила:

– Вас следователь давно ждет. Уже оперативников на розыски посылать собирался. Он в кабинете главврача, на втором этаже. Главврач сейчас в командировке, кабинет пустой.

Аня побрела на второй этаж, сконфужено размышляя по дороге, как могло случиться, что конфиденциальные сведения стали достоянием всей округи.

Кабинет был закрыт. Она тихо постучала, и услышала четкое:

– Войдите!

Глубоко вздохнув, вошла внутрь и увидела за широким столом парня, почти мальчишку, с погонами лейтенанта. Она с облегчением вздохнула. Не может такой молодой быть злым! Сейчас она ему всё объяснит, и недоразумение рассеется, как мираж. Приободрившись, подошла к столу, ожидая, что он предложит ей сесть и начнет корректный разговор.

Но лейтенант и не думал ее спрашивать. Взглянув на нее неприязненным взглядом, жестко скомандовал:

– Ну, наконец-то! Объявилась, голубушка! Я уж хотел на поиски отправляться! Что ж это ты парней под машины пихаешь, нашла себе развлеченьице! – с этими словами он встал, чеканя шаг прошел мимо нее и стал натягивать шинель. – Что ж, можешь считать, что пяток лет ты себе на казенный кошт схлопотала. Собирайся, пошли!

У Ани закружилась голова. Как пошли? Разве он не должен снять с ней показания, выслушать ее версию?

– Куда пошли?

Лейтенант неприкрыто удивился.

– Как куда? В КПЗ, конечно.

– А как же допрос?

– А пусть тебя следователь допрашивает. Мое дело подозреваемого выловить. Я оперативник. А вину пусть другие доказывают.

Аня не могла поверить, что всё так просто. Должна же быть элементарная справедливость, в конце-то концов?

– Я совершенно не виновата! Это они ко мне приставали!

Лейтенант равнодушно заметил:

– А вы все безгрешные, как ангелы. И сказочки свои в КПЗ будешь рассказывать, на допросе.

Аня почувствовала, как впервые в жизни зашумело в ушах. Только бы в обморок не грохнуться! В голове сразу пронеслись истории о невинно осужденных. Что же это такое?!

Тут в двери без стука просунулась голова той самой санитарки и сладко, по-свойски, пропела:

– Вася, Ковров проснулся! Может, сейчас к нему сходишь, а то потом ему снова уколы обезболивающего поставят, не поговоришь!

Негодующе сверкнув в сторону преступницы обведенными черной жирной полосой глазами, голова исчезла, а гражданин начальник снял шинель и снова аккуратно повесил ее на вешалку. С сомнением посмотрел на виновницу торжества.

– Придется тебя с собой брать.

Ане очень хотелось сказать, чтобы он ей не тыкал, она с ним за одной партой не сидела, но слова застревают в горле.

– А то удерешь еще. Поймаем, конечно, но неприятно, деньги на розыск придется тратить. А их у нас и без того в обрез. Пошли со мной. Очную ставку заодно проведу. Потом не надо будет суетиться.

Он крепко взял ее за запястье, видимо, изображая из себя отсутствующие кандалы, и повел по коридору в сторону уже знакомой Ане палаты интенсивной терапии. У входа она задержалась, думая, что он прикажет надеть бахилы, тем более, что шлепанцы в гардеробе ей никто не предложил, и шагала она по больничному заповеднику в уличной обуви.

На лейтенанте тоже были грязноватые форменные ботинки, но он и не подумал выполнять смешные местные установки. Для него натягивать бахилы, забавно балансируя на одной ножке, значило подрывать авторитет Министерства внутренних дел России. Без церемоний толкнув дверь, вошел внутрь, затаскивая за собой девушку, как собачонку на веревочке.

Первое, что бросилось им в глаза – внушительная фигура генерала, благовоспитанно поднявшаяся с кресла при появлении женщины. Лейтенант ошеломленно замер, досадуя, что его никто не предупредил, а Аня неловко вытаращилась на мужчину. С трудом вспомнив, что вчерашний рыжий крокодил бормотал что-то о папе-генерале, поняла, что тот не соврал.

Находясь в глубоком смятении, чисто по-женски отметила, до чего же хорош папочка. Просто настоящий благородный герой. Ему бы в кино роковых любовников играть, а не солдатами командовать. Его удлиненное лицо со строгими глазами походило на лики высокородных кавалеров со старинных картин, на висках мерцала седина, подчеркивавшая темные каштановые волосы, и весь он казался нереальным, слишком красивым, киношным.

Она оторвалась от откровенного разглядывания генерала только после недовольных слов Антона, нахмурившегося от ее столь очевидной эйфории:

– Да очнитесь вы оба! От восторга дышать уже не в состоянии!

Аня быстро заморгала, поняв, что представляет из себя прекомичное зрелище. Лейтенант тоже несколько пришел в себя от внезапного лицезрения генеральских погон, отдал честь и придвинулся ближе к пострадавшему, опасливо постреливая взглядом в сторону хотя и чужого, но большого начальника.

– Антон Юрьевич! – или звезды на погонах папы-генерала провели воспитательную работу, или у лейтенанта было строгое правило – всем ответчикам говорить «ты», а истцам – «вы» и величать по отчеству. – Вот виновница вашей травмы. Но, чтобы наказать ее по всей строгости закона, от вас нужно заявление. Справка о ваших травмах у меня в деле уже есть, показания ваших спутников – тоже. Дело за вами.

Антон замер, переводя взгляд с самодовольного лейтенанта на бледную как смерть девушку. Медленно протянул:

– Не понял? Какая виновница и кого наказать?

У Ани появилась несмелая надежда на спасение, а лейтенант, решив, что после травмы пострадавший сообщает плоховато, постарался доступнее разъяснить ситуацию.

– Вы с друзьями мирно шли по тротуару, а навстречу вам выскочила эта особа. Не знаю уж, за кого она вас приняла, но только она стукнула вас сумкой по груди. Вы не ожидали нападения и вылетели на проезжую часть прямо под колеса проезжающей мимо машины. А теперь вам нужно написать заявление о нападении.

Генерал высоко поднял черную бровь, всем телом повернувшись к сыну, чтобы выслушать происшедшее в его изложении. Тот несколько наигранно возмутился:

– Вот ведь козлы! Ничего не поняли, а туда же! Заявления они пишут! Я им напишу! – И решительно опроверг рассказ лейтенанта: – Всё было вовсе не так! Мы шли по тротуару, вдруг на меня налетела девчонка. Я смотрю – это моя старая подружка, Аня! Ну, я ее немного приобнял на радостях, а она не разглядела, кто ее облапил, и пихнула меня несколько сильнее, чем следовало. Честь девичью защищала, как положено. Я в тот момент как раз ее отпустил, вот и получил дополнительное ускорение. В общем, сам виноват. И никаких дурацких заявлений я писать не собираюсь.

Посмотрев на вытянувшееся лицо лейтенанта, с болью в сердце наблюдавшего, как рушится его так красиво раскрытое преступление, лукаво добил:

– Хорош же я буду, если сначала невесту в тюрьму на пару лет отправлю, а потом предложение сделаю! Нет уж! Уж лучше жениться сразу, без промежуточных этапов!

Лейтенант с оскорбленным видом отпустил до сих пор сжимаемую руку подозреваемой, ловко увильнувшей от заслуженного наказания, чопорно попрощался и вышел из палаты, недовольно чеканя шаг.

Антон повернулся к Ане и по-военному четко представил отца:

– Познакомься, любовь моя, это мой отец, Юрий Андреевич Ковров. Генерал-майор, начальник нашего гарнизона. По совместительству гроза окрестных дам. Или наоборот, что по большому счету одно и то же.

Смущенная коварным «любовь моя», Аня несмело протянула свою подрагивающую ладонь в ответ на властно протянутую руку генерала. Он не пожал ее по-дружески, как она предполагала, а церемонно склонился и поцеловал.

Оторопев от неожиданности, она смогла лишь тихо прокряхтеть:

– О... очень приятно.

Юрий Андреевич произнес глубоким приятным баритоном:

– Мне тоже. Впервые, знакомя меня с девушкой, сын называет ее «любовь моя» и намекает на серьезные намерения. Ценю.

Аня, тоже впервые в жизни оказавшаяся в столь двусмысленной ситуации, молча смотрела на мужчин, не зная, что сказать.

Генерал потрепал сына по голове и мягко попросился, явно давая голубкам возможность поворковать без помех:

– Ну, мне пора. Поправляйся скорее. Завтра заскочу в это же время.

Развернулся через правое плечо и вышел, мягко ступая в забавных кожаных тапках. Аня удивилась. Если есть тапки, должен быть и халат. Но его не было. Почему? Чтобы всем был виден блеск генеральских звезд? Этот вопрос так захватил ее сознание, что она не обратила внимание на сурово сжатые брови Антона. Очнулась от его грубоватого предупреждения:

– Не вздумай влюбиться в папашу. Все равно толку не будет. У него таких куриц, как ты, что пшеницы на элеваторе.

Она подскочила от злости и в негодовании повернулась к нему.

– Что? Ну, крокодил, берегись! – и она метнулась к нему, от всей души желая врезать по физиономии так доставшего ее типа.

Он укоризненно помахал перед ее носом длинным пальцем.

– Не смей! Нельзя бить лежащих больных, даже если и очень хочется! Если ты меня ударишь, значит, ты не леди!

Аня немного опомнилась, обуздала африканский темперамент и бухнулась на кресло, где еще недавно сидел папа-генерал. Зло уставясь в безмятежную физиономию наглого страдальца, выпалила:

– Что ты тут плел?! Какая я тебе любовь?

Он ласково пояснил:

– Большая, разумеется, раз из-за тебя такие муки терплю. – И показал на торчащие из ноги штыри. Мне, между прочим, еще неделю вставать нельзя будет.

Она приуныла. Но тут же, встряхнувшись, пробормотала:

– Ну, в этом-то уж точно твоя вина. Нечего было меня в квартиру силой тащить.

Он закатил глаза и протяжно вздохнул.

– Милая! Да я тебя просто пожалел. Ты же уже вся как льдинка была. Я когда тебя обнял, понял, что, ежели я не приму кардинальных мер, ты просто замерзнешь по дороге. Я вполне приличный человек и ничего такого, – тут он погрозил ей пальцем, – и не хотел! Это всё твое пылкое воображение, и ничего более того!

Она возмущенно фыркнула.

– Не надо заливать! Тоже мне, чист и безгрешен, как святая водица.

Он вытянулся на кровати во весь рост и устало прикрыл глаза, являя собою крайнюю немощь.

– Вот именно! В этом я с тобой вполне согласен! И нечего было меня в машину кидать, не резиновый мячик, чай!

Аня замолчала, обдумывая ситуацию. Хотя не верила ему ни на грош, честно признала, всё могло бы быть и так, как он описал сейчас. Посидели бы, поболтали, и разошлись.

– Ну, хорошо. Допустим, что именно этого ты и хотел. – Ее голос являл крайнюю степень недоверия. – А сейчас ты чего желаешь за мое спасение от лап отечественного правосудия?

Антон расслабленным голосом вяло пояснил:

– Мне домработница нужна. Полы мыть, еду готовить, по магазинам бегать. Сама понимаешь, я сейчас полный инвалид. Поживешь у меня пару-тройку месячишков, пока нога в норму не придет, и квиты. Здесь-то в любой момент санитарку позвать можно. – Он указал подбородком на кнопку вызова, прибитую рядом с кроватью. – А дома как?

Аня закрыла глаза и начала размеренно считать до десяти, не замечая, что он наблюдает за ней сквозь ресницы.

– И как тебя понимать?

Он строго уточнил, не давая ей поблажек:

– Да очень просто, как выполнение гражданского долга. Что-то типа «неотвратимость наказания предотвращает преступление», но наоборот, естественно. Кормить и одевать я тебя буду, не беспокойся. Так сказать, будешь жить на казенном коште.

Аня сразу вспомнила лейтенанта, угрожавшего ей казенным коштом, и вздрогнула. Неужели в ее жизни вновь началась черная полоса? Стараясь рассеять неприятное предчувствие, категорически отказалась:

– Мне это совершенно ни к чему. К тому же жить в одной квартире с мужчиной значит поставить себя в двусмысленное положение. Найми сиделку. Думаю, тебе это по карману.

Он жутко возмутился.

– Не считай чужие деньги, их у меня, кстати, не так уж и много. Если не хочешь добром, вот тебе ультиматум: не едешь ко мне, едешь в КПЗ. Я сообщаю этому крутому лейтенанту, что ошибся, будучи одурманен анальгетиками, но теперь вспомнил, как всё было на самом деле. Как ты понимаешь, в результате он радостно загребает тебя в тюрьму. Ему показатели по своему участку надо красивыми делать. Так что выбирай!

Аня охнула. Вот ведь скотина! Что ж, придется выбирать из двух зол меньшее и отправляться к Антону. Хотя пожить у него пару месяцев и не проблема, тем более что он вряд ли будет на что-либо годен с металлическими украшениями на ноге, но как быть с мамой? Если рассказать правду, она набьет Антону морду, невзирая на сломанную ногу и папу-генерала. Придется придерживаться дурацкой версии о пламенной любви.

Парень просек ее намерение о капитуляции и мирно предложил:

– Если хочешь, приведи сюда родителей, поведаем и им сказочку о безумной страсти.

– У меня только мама. Отец с нами не живет.

Антон кивнул.

– Аналогично. У меня только папа. Мама с нами не живет.

Аня поразилась:

– Почему?

Он помялся, но, решив, что странно, когда невеста не знает подробностей личной жизни жениха, неохотно пояснил:

– Папаша достал. С ним жить совершенно невозможно. Что и доказали две последующие жены, вернее, два последующих развода. Сейчас он сделал правильные выводы, и жениться больше не собирается. Встречается, правда, кое с кем, но не серьезно. Мать и К0 от него сбежали, потому что он – истовый борец за порядок.

Аня недоуменно уставилась на него, не в силах уразуметь его слова, и он пояснил, криво ухмыляясь:

– Ну, у папаши все должно лежать строго на своем месте. Чай должен быть подан непременно в одно время, в одном месте, в одной посуде и одной температуры. Жена должна дома надевать приличное платье, никаких халатов и тюрбанов на голове после ванны. Перебивать мужа – ни-ни! Это неуважение! В выходные поспать подольше не моги – это нарушение режима, и т. д. и т. п. В общем, он своих бедных жен так замуштровал, что они сбежали, не чуя ног. А после развода признавались, что только теперь поняли прелесть нормальной жизни без мужа-генерала. А папаша до сих пор не уразумел, чем это они были недовольны, ведь он хорошо к ним относился.

Аня скептически поджала нижнюю губу. Вот ведь как обманчива внешность! По виду генерал самый настоящий романтический герой, из тех, что пишут возлюбленным сонеты и дарят им розы.

– Педант?

– Точно! Я все детство и юность завидовал этим счастливым женам, которые смогли от него своевременно удрать. А куда податься бедному сынуле? Матери он меня не отдал, боялся,

что избалует. Приходилось жить с ним и терпеть. Когда в университет поступил, я сразу в общагу ушел, и обалдел от свободы.

Аня понятно взглянула на него, помня о небезвинных шалостях, которые позволяли себе живущие в общежитии однокурсники. Но он сразу опроверг ее нехорошие мысли.

– Не думай чего плохого, просто даже поешь, когда хочется, а не положено по расписанию, для меня было актом протеста. Ничего аморального, травки, выпивки, безостановочного гудежа до рассвета не было. Я даже не курил и не курю. Все скромно и скучно.

Она недоверчиво переспросила:

– Что, прямо-таки совсем?

Он стыдливо уточнил:

– Ну, девочки были, конечно. А куда денешься, если они рядом, всего лишь на другом этаже, и сами зовут, потому что без здорового секса уснуть не в состоянии? Приходилось идти навстречу пожеланиям страждущих, знаешь ли.

Она посочувствовала:

– Ага, эксплуатировали тебя, бедняжку!

Он высоко вздернул брови и промолчал, проигнорировав открытую провокацию.

Аня тихо вздохнула, не видя другого выхода, и обречено согласилась:

– Ладно, поеду! Но только до твоего выздоровления. И, запомни, – она погрозила ему пальчиком, – никакого секса!

Он разочарованно протянул:

– Это еще почему? Зачем так обеднять свою жизнь?

Она бросила на него уничижительный взгляд.

– Мне этого не надо. Не привлекаешь ты меня чего-то. Но зачем тебе печалиться? Уверена, что этого добра у тебя и без меня хватает.

Он лениво потянулся и уточнил, развязно проведя взглядом по ее груди:

– Трудно сказать, чего хватает, а чего нет. К тому же новенькое никогда не помешает.

Не соизволив ответить на явную пошлость, Аня взглянула на часы, стоявшие на тумбочке, и поразились – восемь часов! Как быстро пролетело время! Поднявшись, попрощалась и ушла, услышав на прощанье строгий наказ быть завтра здесь в это же время.

Приехав домой в девятом часу, зашла в пустую квартиру. У матери сегодня было очередное массовое мероприятие – она проводила вечер для ветеранов их микрорайона. Раньше десяти она никак не придет. Любят старушки попеть и молодость вспомнить. А главное – похвалить нынешнюю жизнь. Как будто раньше лучше было! Аня прекрасно помнила очереди за всем, чем только можно – за молоком, колбасой, сахаром, даже мылом и стиральным порошком. Нет уж, ей такой жизни не надо! Хотя существовать вдвоем на куцую зарплату библиотекаря тоже как не сладко. Но скоро она закончит универ, устроится на работу, и жить станет гораздо легче.

Анастасия Павловна в самом деле пришла в одиннадцатом часу, уставшая, но довольная.

– Хорошо прошел вечер?

– Конечно! Это же старики, они сами себя развлекают, у них самосознание высокое. Не то, что подростки, которые сидят, как тупые пеньки, в окошко пялятся и резинки жуют, а ты перед ними распинайся, будто клоун на арене.

Немного помявшись, дочь выпалила:

– Мама, я через пару недель поеду жить к Антону. Это тот, что попал под машину. У него нога сломана, ему передвигаться тяжело, надо помочь.

Анастасия Павловна немного помолчала, изучающе глядя на дочь.

– Так, насколько я понимаю, мое мнение в этой истории никакой роли иметь не будет, и ты просто ставишь меня в известность?

Аня помялась, но согласилась с этим постулатом.

Мать кисло улыбнулась.

– Ну, поскольку моего благословения не требуется, считай, что я предупреждена. Поесть что-нибудь есть?

– Я сырников напекла.

Поняв, что ее любимое блюдо приготовлено Анютой вместо оливковой ветви, Анастасия Павловна похлопала дочь по плечу и пошла на кухню.

Стараясь сдерживать слезы, Аня легла в постель и по-детски закрылась одеялом с головой. Подумав, что скоро ей надолго придется покинуть свое уютное гнездышко и переквалифицироваться в домработницы, совсем раскисла. Что оказалось тому виной – переживания последних дней или страстное нежелание идти к кому-то в услужение, неясно, но она расплакалась, и плакала долго, пока не уснула.

На следующий день к Антону не поехала, поскольку занятия закончились почти в восемь. На другой день тоже закрутила суета, и в больницу она не успела. А на третий ее вызвали в деканат, и декан, вернее, деканша, суровым тоном велела ей немедленно навестить своего травмированного жениха.

– Понимаете, милочка, – скрежетала она прокуренным голосом, неодобрительно глядя маленькими пронзительными глазками на беглую невесту, – настоящая любовь и проверяется в таких случаях. Конечно, если возникли какие-то разногласия, их должно решить, но! – для значимости она подняла вверх желтый от табака палец, – только после того, как он полностью поправится. Раньше это будет попросту непорядочно. А непорядочность – это худший из человеческих пороков. Так сказать, мать их. Из нее произрастают все остальные.

Аня могла бы порассказать о своем псевдоженишке такое, от чего деканша дала бы диаметрально противоположный совет – бежать от такого жениха чем дальше, тем лучше. Но, поскольку тоже считала, что непорядочность – главное зло современной жизни, – решила со своими проблемами справляться собственными силами. Уйдя, вопреки протестам, с заседания редколлегии, посвященный выпуску новогоднего журнала, в шесть часов прибыла в травматологию.

Внизу снова дежурила все та же размалеванная девица. Увидев посетительницу, саркастично поджала губки и предупредила сквозь сжатые зубки:

– Посещения до семи часов! И не забудь надеть бахилы!

Анне очень хотелось ответить в таком же пренебрежительном тоне что-нибудь типа «сколько захочу, столько и буду сидеть», – но она вовремя вспомнила, что этим унизит лишь себя. К тому же вряд ли ей осилить эту девицу в базарной перебранке, у той опыт в таких делах несоизмеримо больше. Не сказав в ответ ни слова, сунула ноги в слишком большие больничные тапки, и взбежала на второй этаж, звонко цокая по бетонным ступеням жесткими подошвами. Заглянула в палату интенсивной терапии, по примеру бравого лейтенанта проигнорировав бахилы у входа. К ее удивлению, в палате лежали совсем другие люди. Она немного растерялась, отдав должное умению крашеной девицы вести бои местного значения, – та прекрасно знала, что Антона перевели в другую палату, но ничего не сказала!

Осторожно прикрыв двери, пошла к посту дежурной медсестры. Полная равнодушная женщина в белом халате махнула рукой направо и буркнула:

– Последняя палата!

Аня, ожидая полную палату болящих, наскоро провела перед входом рукой по голове, приглаживая растрепавшиеся волосы, и вошла, негромко постучав. В одноместном боксе было пусто. Она растеряно оглянулась, не понимая, куда мог деться лежачий больной. Может быть, его увезли на процедуры? Тут раздался шум и из неприметной двери за ее спиной показался Антон. Она резво отскочила в сторону, давая ему пройти. Он шел в смешной штучке на колесиках, положив сломанную ногу на обтянутую поролоном перекладину и упираясь на поручни. Увидев ее, сердито сверкнул глазами и язвительно заметил:

– Ну, надо же! Беглая почтижена появилась!

Аня тут же отринула сковавшее сердце сочувствие и пошла в наступление.

– Это ты звонил сегодня в деканат?

Он самодовольно подтвердил, осторожно взгромождая двумя руками утыканную штырями ногу на банкетку, стоявшую рядом с кроватью:

– Однозначно! Спасение рук утопающих, как ты помнишь...

Она с шумом выпустила из легких застоявшийся там воздух.

– Вот как! А какого лешего надо было трепаться о несчастном, гибнущем на корню женихе?

Он откинулся на спинку кровати и с укором посмотрел на крайне недалекую девицу.

– Да кто бы тебе без этой слезливой истории стал передавать, что я тебя жду? У вас такие чадолюбивые преподаватели? Не поверю ни за что! Я, кстати, попытался позвонить тебе домой, номер искал по всем справочникам, но не нашел.

Она огрызнулась, проклиная свой отходчивый характер и чувствуя, что злость проходит, сменяясь ощущением чего-то неустойчивого и опасного. Решила соврать:

– У нас телефона нет, и никогда не было.

Он посмотрел на нее так, будто встретил экземпляр реликтового растения.

– А почему? По религиозным мотивам?

Тут изумилась она.

– А что, по религиозным мотивам разве отказываются от телефона?

Он кивнул.

– А еще от радио, телевидения, компьютера и даже лифта. Потому что это бесовские порождения.

Она не поверила.

– Да шутишь ты все.

Он приглашающе взмахнул рукой, указывая на стоявший рядом стул.

– Садись, а то светишься, как гнилушка! Не рассыплись! Небось на диете сидишь, хочешь, чтобы ветром унесло?

Не считая нужным объяснять, что за весь день смогла перехватить лишь столовский микроскопический пирожок, поскольку утром примитивно проспала, Аня надулась и отвернулась. Не обращая внимания на неуместные девчачьи капризы, Антон подождал, когда она демонстративно присядет на самый кончик стула, и только тогда объяснил:

– Да нет, не шучу. Со мной во взводе парень служил из староверской семьи, у них так. Ни танцев, ни музыки, ни пива, ни вина. После армии сразу домой поехал, к родителям. Они ему невесту нашли, он ее еще не видел, спешил познакомиться и жениться. Я у него спросил, – что будет делать, если невеста не понравится? Он в ответ, – такого быть не может, потому что родители лучше знают жизнь. Вот так-то! А во всем остальном нормальный был парень. И друг хороший.

Аня ничего не ответила, не понимая, как в наше время могут сохраниться такие странные отношения. Перевела разговор на другое.

– А ты что, служил в армии?

– Конечно! Правда, после универа, лейтенантом, но отпахал честно. А как еще может быть, если у тебя отец потомственный военный? – погладил нывшее колено и спросил: – Мать предупредила?

Она обречено кивнула. Антон звонко щелкнул пальцами и скомандовал:

– А ну, выше нос! Тебе понравится, вот увидишь! И голодом себя морить я тебе не дам!

Она ехидно попросила уточнить, кого он не даст ей морить голодом – ее или себя. Он гордо заявил:

– Меня голодом морить ни у кого не получится. Так что это ты готовься к обильной откормочной диете. А то костями уже гремишь, как тысячетный скелет!

Аня хмуро поинтересовалась, зачем он ее с такой помпой вызвал, поиздеваться не над кем было, что ли?

– Да нет, не столь уж я кровожаден. Просто меня выписывают послезавтра. Вот и хотел тебя предупредить. Навещать меня завтра не надо, приедешь послезавтра прямо ко мне. Помнишь мой дом?

Аня поморщилась. Антон довольно хохотнул.

– Ага, вижу, что помнишь. Так вот, третий подъезд, там консьержка внизу сидит, скажешь, что к Коврову в пятидесятую квартиру. Я ее предупрежу, у нас без разрешения не пускают. В общем, жду с вещичками в семь вечера. В это время я уж точно буду дома. Можешь сразу обеспечить высококвалифицированный уход. Ты ведь наверняка корочки медсестры получила?

Она тяжело вздохнула, чувствуя навалившуюся на сердце тяжесть, встала, и, едва кивнув на прощанье, вышла из бокса под пристальным взглядом парня.

В пятницу Аня, стоически вытерпев беспардонное разглядывание любознательной вахтерши, доложила ей о своем прибытии и поднялась на лифте на пятый этаж. В противоположных концах квадратного коридора располагалось всего две квартиры.

Минут десять топталась со здоровенной дорожной сумкой в руках перед дверью пятидесятой квартиры, не находя в себе силы позвонить. Обитая темно-коричневой кожей дверь угрожающе поблескивала устремленным на нее золотистым номером, как дулом пистолета. Внезапно она распахнулась, и Аня чуть не столкнулась с отцом Антона, широкими шагами выходящим из квартиры.

Узнав ее, генерал учтиво склонился и обрадовано произнес:

– Это вы, Анечка! А мы вас ждем! Антон сказал мне, что вы должны подъехать. Я ему еще попенял, что он заставил вас тащиться с вещами в такую даль. Сказал бы мне, и я немедленно заехал бы за вами к вам домой.

Наклонившись, подхватил ее сумку и занес в комнату. Простился и поспешил домой.

Аня вошла в квартиру следом за ним, и услышала зычный голос Антона:

– А, явилась, пропажа! Времени уже восемь! Я уж думал папашу отрядить на твои поиски. Иди в первую комнату, она будет твоей. Обживайся.

Аня сняла пуховик, повесила его во встроенный шкаф из красивого, похожего на отбеленный дуб, дерева. Прошла в предназначенные ей апартаменты. Комната была огромной. Метров двадцать пять, не меньше. Аня, всю жизнь прожившая в десятиметровой комнатке и искренне считавшая, что ей ужасно повезло, растерялась от обилия пространства и света.

Возле окна на компьютерном столе стоял большой черный системный блок с жидкокристаллическим монитором на двадцать четыре дюйма. Вдоль стены – несколько застекленных книжных шкафов с забитыми книгами полками. Напротив окна – широкий кожаный диван, как она догадалась, место ее основного обитания. Рядом с книжными шкафами стоял небольшой шифоньер. Открыв дверцы, увидела вешалки для одежды и пустые полки. Вздохнув, разложила свои вещи и вышла в коридор, оглядываясь вокруг.

Квартира начиналась с большой вместительной прихожей, из которой был вход в ее комнату, дальше коридор вел на кухню, ванную, туалет, и замыкался еще одной дверью. С опаской постучав, вошла в огромную светлую комнату, еще большую по размерам, чем ее.

Антон с удобством расположился в черном кожаном кресле, пристроив больную ногу на стоявшую рядом банкетку, и держал на коленях ноутбук на высокой подставке. Окинув Аню пристальным взглядом, предложил:

– Можешь идти на кухню и приготовить чего-нибудь. Надеюсь, готовить ты умеешь.

Ничего не сказав, Аня развернулась и отправилась выполнять первое трудовое поручение на почетной стезе домработницы, не заметив, с каким напряжением Антон посмотрел ей вслед.

На кухне, поразившей ее своими масштабами, открыла морозилку и вынула замороженную упаковку, на этикетке которой было написано: зразы с грибами; из холодильника достала шесть ровных картофелин, масло и молоко. Быстро очистив картошку, нарезала ее длинными дольками, уложила на стеклянное блюдо, поставила в аэрогриль. Чтобы не терять зря драгоценное время, установила наверх круглую металлическую подставку и выложила на нее зразы, которых оказалось четыре штуки. Поставила на семь минут, включила и занялась поиском сладкого.

Что приготовить на десерт? Найдя в холодильнике пачку творога и взбитые сливки, растерла творог, добавила в него промытый горячей водой изюм, украсила щедрой шапкой сливок. Не успела поставить вазочку с десертом на стеклянный сервировочный столик, как радостно запищал аэрогриль, докладывая о выполненном задании.

Пошла к Антону, сидевшему всё в той же позе, сосредоточено уставясь в ноутбук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.